

40 лет
Санкт-Петербургской
типологической
школе

STUDIA PHILOLOGICA

ББК 81
С 65

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 03-04-16040д

Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН

Редакционная коллегия:
В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков,
С. Ю. Дмитренко

С 65 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе:
Сб. ст. — М.: Знак, 2004. — 536 с., табл. — (Studia philo-
logica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0003-2

Сборник подготовлен в связи с 40-летием группы структурно-типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН и 95-летием со дня рождения основателя группы — проф. А. А. Холодовича. Статьи, включенные в сборник, посвящены следующим вопросам: теория диатез и залогов, проблемы синтаксиса разноструктурных языков, проблемы грамматической теории. Тематика статей отражает круг научных проблем, находившихся в центре внимания А. А. Холодовича, его учеников, последователей и всех российских и зарубежных лингвистов, связывающих себя с традицией Санкт-Петербургской типологической школы. Статьи подготовлены авторами на основе докладов, прочитанных на международной юбилейной конференции «Категории глагола и структура предложения», которая проходила в Институте лингвистических исследований РАН в мае 2001 г.

ББК 81

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры» и «Знаку», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© Авторы, 2004
© Знак, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (В. С. Храковский).....	9
<i>А. Богуславский, М. Данелевичова</i> К вопросу о системе эпистемических предикатов с пропозициональной валентностью: 'верить, что' в его взаимоотношениях со 'знать, что'.....	13
<i>А. В. Бондарко</i> Категориальные ситуации в функционально-грамматическом описании.....	36
<i>Б. Вимер</i> Таксис и коинциденция в зависимых предикациях: литовские причастия на <i>-damas</i>	53
<i>А. П. Володин</i> Перспектив позиционной грамматики.....	74
S. V. Voronin Towards a Phonosemantic Typology of RL-Multiplicatives (a case study of iconicity in grammar).....	97
<i>Z. Guentchéva</i> Remarks on the Interaction between Voice and Aspect in the Slavic Domain.....	109
<i>Е. Ю. Калинина</i> Выражение предикативных категорий и место связки в структуре именного предложения.....	129
<i>С. Кароляк</i> О зависимости между видом глагола и определенностью имени.....	145
<i>В. Б. Касевич</i> Знаки языка и знаки речи?	159

<i>Ю. П. Князев</i> Материалы к типологии многозначности: связь неопределенности с отрицательной оценкой.....	173
<i>Б. Комри</i> Супплетивизм по отношению к грамматическому лицу реципиента при глаголе 'дать'.....	191
<i>Е. Е. Корди</i> Сложноподчиненные предложения с придаточным времени как ядро категории таксиса во французском языке.....	213
<i>С.Г. Крамарова</i> Конструкции с семантикой цели в индонезийском языке.....	222
<i>С. А. Крылов</i> Семантическая роль как элемент метаязыков общей и специальной типологии.....	233
<i>G. Lazard</i> Qu'est-ce qu'un verbe transitif?	253
<i>M. Leinonen</i> Possessive Resultative Perfects in Komi-Zyryan	270
<i>И. А. Мельчук</i> Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя.....	286
<i>В. П. Недялков</i> Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей).....	315
<i>Б. Ю. Норман</i> Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования.....	394

А. К. Оглоблин

К вопросу об именном выражении ситуации
в индонезийском языке.....407

Е. В. Падучева

Диатеза как метонимический сдвиг.....424

Я. Паневова

Употребление глагольных времен в некоторых
типах сложноподчиненных предложений
(на материале чешского языка).....445

Н. В. Перцов

Об альтернативности в грамматическом описании.....457

Г. Г. Сильницкий

Соотношение «моноструктурной»
и «полиструктурной» классификаций языков.....473

Н. Р. Сумбатова

Коммуникативные категории и система глагола
(о некоторых типологических особенностях
дагестанского глагола).....487

В. С. Храковский

Концепция диатез и залогов
(исходные гипотезы — испытание временем)505

С. Е. Яхонтов

Служебные слова и морфемы в изолирующих и других языках520

А. БОГУСЛАВСКИЙ
М. ДАНЕЛЕВИЧОВА

**К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ
ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ПРЕДИКАТОВ
С ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТЬЮ:
'верить, что' в его взаимоотношениях со 'знать, что'**

В настоящей работе предпринимается попытка описать семантическую структуру выражения *верить, что...* с тематическим, т. е. безударным, глаголом.

Может показаться, что перед нами скромная исследовательская задача. Но это единичное выражение одного — русского — языка имеет в некотором смысле исключительный характер. Именно оно призвано канонически вводить идею существования Бога. Оно осуществляет эту свою особую роль как элемент разветвленной системы эпистемических предикатов, с незапамятных времен привлекающих умы философов, теологов и лингвистов. Сложные, нередко ярко контрастные взаимоотношения связывают его с такими единицами, как *думать, что..., предполагать, что..., быть уверенным, что...*; важнее всего, конечно, его связи с глаголом *знать, что...*

Мы сталкиваемся здесь с узловыми проблемами гносеологии, примером которых может служить вопрос о рациональности веры. Одновременно мы обращаемся к лексической категории, играющей абсолютно фундаментальную роль в языке как таковом и поэтому имеющей первостепенную важность для общей теории языка.

Что касается того, насколько сложно разобраться и в сущности феномена веры и в разных обстоятельствах ее появления и функционирования, весьма поучительно послушать следующее чрезвычайно показательное признание Чеслава Милоша: «Я был глубоко верующим человеком. Я был совсем неверующим человеком. Противоречие столь большое, что не знаешь, как с ним жить. Я стал подозревать, что в слове “верить” скрывается какое-то до сих пор не изученное содержание, не изученное, быть может, потому, что это явление, относящееся в большей степени к жизни человеческого общества, чем к психологии личности. Ни язык, употребляемый религиозными общинами, ни язык атеистов не способствовали размышлениям над его смыслом» [Miłosz 1997: 27].

Мы попытались описать глагол *верить, что...* (в его безударной ипостаси) именно как носитель понятия, используемого всеми членами человеческого общества во всей совокупности ситуаций, для которых оно с точки зрения среднего говорящего как-то годится. Остаются в стороне философские, логические или идеологические конструкты, которые тоже называют «верой». В качестве примеров таких конструктов можно привести аксиоматические построения в [Hintikka 1962] или в [Lenzen 1978] — для частого *словарного* английского соответствия *верить* — *believe*. Характерной чертой таких построений, кроме всего прочего, является допустимость кореферентной итерации данного глагола [конечно, в его роли условного обозначения вводимых *авторами* понятий]; это ярко контрастирует с фактами естественного языка, ср. строго аномальное **Он думает, что он думает, что Маша уже не придет* или очень странное ¹*Он верит, что он верит, что его книга будет иметь успех* (чтобы избежать недоразумений, добавим, что мы все-таки *не решаем* здесь окончательно вопроса о возможной итерации естественно-языкового *верить, что...*, такого, как оно дано в русском языке).

В соответствии с указанной установкой «неизученное содержание» ‘веры’ будет вскрываться путем наблюдений за свой-

ствами обычных контекстов общедоступной речи, в которых наш предикат либо действительно встречается (или может встретиться), либо, наоборот, неприемлем; последняя категория случаев обладает, как известно, особой диагностической силой и благодаря этому регулярно используется в качестве решающего звена семантической аргументации.

Мы считаем предварительно установленным, что одной из подлинных единиц языка (соссюровских *entités concrètes*) является безударное *верить, что* (именно эта величина участвует в необходимых пропорциях выражений). Этого нельзя сказать о простом *верить* (если отвлечься от случаев эллипсиса). Выделяются и другие глагольные единицы: подударное *верить, что...*, *верить в...*, *верить + дат.*, *верить + дат., что...*, а также глагол *верить в то, что...*, который, кажется, не обязательно вполне синонимичен глаголу *верить, что*. Но их описание представляет собой отдельную трудную задачу, решение которой остается за рамками настоящей статьи.

Одновременно с самого начала отвергается многозначность безударного выражения *верить, что*: она отличается ничтожной вероятностью. Иначе говоря, нам не представляется возможным, в противоположность мнениям таких авторов, как М. Г. Селезнев [1988: 244—254], И. Б. Шатуновский [1996: 274—277], установление некоторого количества единиц с той же внешней оболочкой безударного *верить, что* (названные авторы говорят о двузначности — с компонентом *положительной оценки и без него*). Итак, в предложениях

- (1) *Я верю, что Бог СУЩЕСТВУЕТ*
- (2) *Наш тренер до последней минуты верил, что мы ВЫИГРАЕМ*
- (3) *Даже его мать не верила, что ему УДАТСЯ ПОСТУПИТЬ В УНИВЕРСИТЕТ*

усматривается один однозначный глагол. Верно лишь то, что *подударный* глагол *верить, что* отличается от безударного отсутствием оценочного компонента: пример (2) с заменой *выиграем* на

проиграем приписывает «тренеру» положительную оценку проигрыша, в то время как предложение

(4) Я ВЕРЮ, что наша команда проиграла

допускает как отрицательную, так и положительную оценку возможного факта со стороны субъекта. Это действительно заставляет говорить о двух значениях — но о двух значениях двух, с учетом ударения, словесных оболочек. Второе из них — это значение «доверия» по отношению к источнику получаемой информации (мы эту единицу здесь не будем обсуждать).

С учетом названных предпосылок предлагается следующее семантическое представление как лежащее в основе всех мыслимых употреблений безударного глагола *верить, что*:

(В) a [a знает, что если p , то в отношении того, что a имеет в виду, хорошо, что p]

[1] готов сказать, что если кто-то (a . i) знает то, что a знает, (a . ii) знает, что p , то кто-то знает что-то; такое, что (k . i) что-то_i $\neq p$, (k . ii) что-то_i $\rightarrow p$

[2] не готов сказать о чем-то_i что-то, не: кто-то знает что-то_i

Объясним выражения и символы, употребленные в (В). [1], [2] — это рема, которая подлечит (как целое) возможному отрицанию; то, что предшествует [1], [2], — тематическая часть, включающая не подлежащую отрицанию пресуппозицию (данную в скобках []). Все слова и символы, в принципе, либо принимаются в качестве экспонентов тех значений, которые с ними связаны доступной всем и действительной для каждого контекста корреляцией, либо принимаются в качестве элемента обычного формального аппарата.

Необходимо, однако, обратить внимание на несколько элементов записи. Символ a подлечит замещению выражением, обозначающим эпистемический субъект. Символ p замещает один из членов пары пропозиций $\{p, \sim p\}$, причем p замещает т. наз. пропозициональный аргумент глагола *верить, что*; p обозначает тот

член пары, к которому относится пресуппозиция. Выражение *что-то, не*: обозначает логическое дополнение к тому, что следует за двоеточием; *не* имеет здесь основное, контрадикторное значение отрицательной частицы. Стержнем репрезентации (В) является 4-аргументный функтор *знает о ... , что ... , не: ...*, который считается неделимым и универсальным семантическим примитивом, или «семой» (ср. [Bogusławski 1998]; он представлен, однако, своими вариантами, например, с местоимениями (на месте группы с *что...*) или же с упрощением, касающимся либо его референтной части (устранение предлога *о* с сопутствующими синтактико-флексивными изменениями), либо его отрицательной части (она может лишь подразумеваться и в самом деле чаще всего подразумевается).

Особое внимание надо обратить на тот факт, что (В) (без отрицания ремы) предполагает всегда «готовность субъекта сказать» в отношении p то, что дано в [1], и вместе с тем отсутствие такой готовности по отношению к $\sim p$, причем в силу истинностной бивалентности (дуальности) это отсутствие равносильно готовности субъекта сказать в отношении $\sim p$ противоположное по сравнению с тем, что он готов сказать в отношении p (т. е. вместо [1] — отрицание [1]). Синтаксически это осуществляется так, что p ставится как после *верить*, так и после *не верить*, а дискурсивно заданное $\sim p$, т. е. такое p , которое представляет собой логическое дополнение p (не оцениваемое положительно субъектом и не связываемое им с «условной гарантией существования/истинности») и которое выдвигается на первый план контекстом, ставится только после *не верить*, с тем, что вместо такой конструкции можно употребить и (оценочно положительное) p после утвердительного *верить*, ср.:

- (5) *Я не верю, что мой друг ПРЕДАЛ меня/
Я верю, что мой друг не ПРЕДАЛ меня*

Важно понимать, что указанное синтаксическое свойство является прямой коммуникативной необходимостью: если бы противоположное по отношению к p содержание могло занимать любое син-

таксическое место, нельзя было бы вообще выразить составляющий специфику нашего глагола аксиологический компонент. Описанный выше уклад допускает двойную аксиологическую интерпретацию лишь при *не верить* и только в исключительных случаях. Итак, герой предложения

(6) *Он не верит, что брат ОТКАЖЕТСЯ ПОМОЧЬ ему*

теоретически говоря, может оценивать помощь брата как нечто унижительное для себя, т. е. отрицательное, но, к своему огорчению, по всей вероятности неминуемое. Однако, уже контрастный контекст с утвердительным *верить* разрешает колебание в пользу положительной оценки пропозиционального аргумента при *не верить*, ср.:

(7) *Иван не верит, правда, что с ним в жизни случится НЕ-СЧАСТЬЕ, однако он твердо верит, что ему по крайней мере придется сильно СТРАДАТЬ*

(высказывание (7) было бы даже неприемлемым в случае более естественного предположения о том, что оценки «Ивана» на самом деле отрицательные: тогда корректность требовала бы замены глагола *верить*, скажем, глаголом *думать*, во всяком случае на месте выражения *твердо верит*). Обобщим: отрицательная оценка пропозиционального аргумента при безударном *не верить, что* встречается только как недвусмысленно маркированный случай и требует яркой контекстной поддержки.

Как мы увидим в дальнейшем, действительное участие отдельных компонентов нашего представления (В) в функционировании предиката *верить, что* и их предусмотренная в (В) организация подтверждается многими приемлемыми и неприемлемыми контекстами этой единицы языка. Чтобы показать это, мы обсудим важнейшие содержательные аспекты понятия ‘верить, что’, как они отражаются в предложенной записи.

**1. Предмет интереса эпистемического субъекта:
ситуация, наделенная, с точки зрения субъекта,
положительным качеством («хорошая»)**

На наличие пресуппозиции, согласно которой эпистемический субъект *a* имеет в виду ситуацию, обладающую положительной ценностью, указывали многочисленные авторы (ср., среди других: [Арутюнова 2000]). Наше представление (В) содержит пресуппозицию, приписывающую *a* знание, что данная ситуация хорошая, причем предполагается, что она оценивается таким образом с некоторой, избранной субъектом точки зрения, т. е. она ставится в логическое отношение с избранными субъектом элементами, с одной стороны, знания, а с другой, волевых установок. В дальнейшем мы коротко прокомментируем предлагаемый нами вид оценочной пресуппозиции веры.

Что касается самого по себе наличия этой пресуппозиции, то оно доказывается тем фактом, что как отрицательная оценка ситуации со стороны *a* (имплицитная или выраженная вводным оборотом), так и равнодушное отношение *a* к этой ситуации делают утвердительное предложение с глаголом *верить, что* неприемлемым, ср.:

- (8) **Я верю, что он солгал*
[при нормальном понимании глагола *солгать*]
- (9) **Я верю, что Бог, как назло, существует.*
- (10) **Иван, который считает, что присуждение этой премии Горбачеву было бы серьезной ошибкой, верит, что он ее все-таки получил.*
- (11) *Иван верит, что книг на этой полке около двадцати.*

Примечание. (11) требует понимания того, что выражено в придаточном предложении, как оцениваемого субъектом неотрицательно; если он равнодушен к тому же содержанию, что является нормальным случаем, и притом говорящий знает об этом и не хочет вводить слушающего в заблуждение, высказывание некорректно.

- (12) **К сожалению, я верю, что мне повезет* [при нормальном подходе к удаче].

Обобщенно можно эти наблюдения свести к следующему утверждению о неприемлемости коллокаций:

- (13) * *a* знает, что если *p*, то в отношении того, что *a* имеет в виду, плохо (безразлично), что *p*, и одновременно *a* верит, что *p*

То, что интересующая нас тематическая клаузула (В) имеет статус пресуппозиции, явствует из того факта, что ее содержание сохраняется в условиях отрицания и вопросительной конструкции, ср., кроме примеров (5)—(7), следующие предложения:

- (14) *Было бы хорошо, если бы ее приняли на работу, но я не верю, что ее приняли на работу.*
 (15) *С его точки зрения было бы хорошо, если бы ее приняли на работу, но он не верит, что ее приняли на работу.*

Что касается отрицательной оценки ситуации, являющейся предметом пропозиционального аргумента, со стороны говорящего или же его равнодушия по отношению к ней, то они не делают высказывания с глаголом *верить, что* неприемлемыми, ср.:

- (16) *Иван верит, что он получит эту никак им не заслуженную премию.*

Необходимо подчеркнуть, что наличие желания эпистемического субъекта, чтобы данное положение вещей имело место, недостаточно для того, чтобы о субъекте утверждать, будто он *верит*, что это положение вещей имеет или будет иметь место. Такое желание достаточно для того, чтобы приписать субъекту надежду, но не веру, ср. предложение

- (17) *Я надеюсь, что он солгал,*

которое, в отличие от (8), вполне приемлемо.

Перейдем к короткому комментарию по вопросу об оценочной пресуппозиции, содержащейся в (В), который мы выше сочли необходимым. Ввиду того, что субъект веры не обязательно готов

сказать, что предмет его веры обладает положительным качеством (хотя этот субъект и признает, что он действительно верит, что *p* истинно), ср.:

- (18) *Он верит, что Сатана существует.*
(19) [Германн] *верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь* (Пушкин, Пиковая дама, V).

формулировка пресуппозиции, предложенная в (B) и основанная на знании субъекта, может показаться контринтуитивной. Полное изложение доводов в пользу нашего толкования потребовало бы весьма пространный рассуждения, по сути дела представляющего собой своего рода очерк онтологии и гносеологии. Поскольку включение такого рассуждения в текст статьи невыполнимо, ограничимся лишь несколькими указаниями, касающимися узловых положений, которые мы считаем верными и в свете которых надо воспринимать формулу (B).

Во-первых, отношение 'знает, что', свойственное как людям и другим лицам, так и неговорящим существам и Богу, несводимо к отношению 'готов сказать, что'; люди знают очень многое из того, чего они не в состоянии высказать, в частности, они знают многое в области не вербализуемых ими *логических следствий* того, что они знают и что они даже могут сформулировать. Во-вторых, принимается следующее положение: то, что с данной точки зрения не заслуживает оценки «плохо», по крайней мере в той степени, в какой в отношении его справедливо отрицание как оценки «безразлично», так и оценки «плохо», и как раз по этой причине, наделено, в конечном счете, качеством «хорошо». В-третьих, все оценки, с которыми мы здесь имеем дело, т. е. «безразлично», «плохо», «хорошо», относительноны в следующем смысле: они принимают во внимание довольно сложные отношения, аргументами которых являются, с одной стороны, определенные лица, с другой, определенные предметы знания и воли (подробнее этот вопрос рассматривается в [Bogusławski 1998]).

Сказанное должно объяснять, почему иные предложения с глаголом *верить, что*, к которым скорее всего неприменимо расширение в виде высказываний типа «а готов сказать, что *p* хорошо», все же приходится считать вполне приемлемыми, ср. (18)—(19). В частности, нельзя забывать о необходимости учета той релятивизации оценки, на которую мы только что обратили внимание; например, герой (19), по-видимому, усматривает в содержании *p* нечто вроде «смягчающего (его) вину обстоятельства».

Существенный класс пропозициональных аргументов, который заслуживает упоминания в этой связи, представляют собой предложения, изображающие знание определенной общей регулярности, характеризующей действительность; знание такой закономерности оценивается во всяком случае не отрицательно; ср. возможность приписать Салтыкову-Щедрину веру, содержание которой он и сформулировал (метафорически):

(20) *Он верил, что в будущем веке отольются кошке мышкины слезки.*

Нужно заметить, что любое общее знание (в отличие от обыкновенного факта, что то или иное выделенное лицо знает определенную конкретную вещь: оценка здесь может быть разной) наделено аксиологическим плюсом. Поскольку же существование лиц или предметов сводится именно к не имеющему частного характера знанию того, что какое-то качество свойственно некоторым объектам, не приходится удивляться, что соответствующие пропозициональные аргументы могут сочетаться с глаголом *верить, что*, ср. (18) (стоит обратить внимание на то, что придаточное предложение *что существует Сатана* с фокусированным «сатаной» — в противоположность фокусированному «существованию» — гораздо менее годится для роли аргумента в группе с глаголом *верить, что*).

Это рассуждение уместно дополнить замечанием, касающимся полулитературной веры в благополучный или, наоборот, неблагоприятный исход определенного дела, обусловленный каким-либо в действительности «безразличным» происшествием, на-

пример, в виде большей рождаемости (в какой-то период) младенцев мужского, чем женского пола («предсказание» войны в недалеком будущем). Как совместить такое применение слова *верить*, что с его предполагаемой нами семантической структурой, включающей обсуждаемую оценочную пресуппозицию? Думается, что в обоих имеющихся в виду случаях (речь идет о развязке на «да» и на «нет») субъективная вероятность благополучного исхода в общем не меньше 50%, т. е. «неплохая». Поэтому понятно, что данная условная связь может естественным образом оцениваться, в конечном счете, положительно. Таким образом, содержащееся в (В) аксиологическое требование, которому удовлетворяет положение «не безразлично и не плохо, следовательно, в той мере, в какой отрицание оценок ‘безразлично’, ‘плохо’ верно, хорошо», выполняется также в случае наших специальных высказываний с условным предсказанием. Добавим, что «пессимистические» предсказания как раз особенно легко примиримы с формулой (В): ведь надо учесть, что в обычных суевериях наличие *благополучного* исхода предполагает, по контрапозиции, в качестве своего необходимого условия нереализованность чего-то, что отличается низкой или даже исключительно низкой вероятностью (например, удача требует, чтобы черная кошка *не* перебежала дорогу; и вот появление такой кошки в поле зрения людей факт скорее всего редкий).

2. Обоснованность веры

В противоположность тому, что утверждают многие интерпретаторы веры, считающие веру заведомо иррациональным умственным состоянием (ср., например, [Апресян 1995: 49]; отчасти также: [Шатуновский 1996: 274—277]), предикат *верить, что* как раз предполагает наличие в сознании эпистемического субъекта определенных истинных суждений. Такие суждения, правда, не обязательно влекут за собой *p*, но их предметом являются состояния или события, возможно, имплицитные — вместе с положением вещей *p* — каким-то более богатым содержанием. Это соз-

дает некоторые основания во всяком случае для допущения *p* (допущения типа пэрсовской «абдукции»).

Другое дело, что эти основания могут подчас оказываться в действительности или считаться кем-то весьма слабыми, вплоть до того, что данное допущение можно по праву назвать карикатурой веры. Для обозначения таких извращенных умственных состояний существуют специальные идиоматические выражения, например, *слепая вера*; им можно сопоставить явления вроде «сложной дружбы» или «белой лжи», которые на самом деле ни дружбой ни ложью не являются.

То, что от предиката *верить*, что неотчуждаемо понятие того или другого основания соответствующих суждений или допущений, доказывается неприемлемостью реплик или пополнений типа тех, которые даны под звездочкой в нижеприведенных примерах (в противоположность тем, которые даны или могли бы быть даны с плюсом):

- (21) — *Я верю, что ее примут на работу.*
 — **На каком-то основании или без какого бы то ни было основания?*

Примечание. Правда, такая реплика неуместна и в контексте других эпистемических предикатов, но важно учесть именно тот факт, что предикат *верить что* в этом отношении не отличается от них.

- (22) *Я верю что ее примут на работу. *Но тот факт, что я верю, что ее примут на работу, не связан буквально ни с чем из того, что я знаю или о чем я хотя бы догадываюсь!*[†] *Есть что-то, что внушает мне такую надежду.*
- (23) *Я верю, что выздоровею, *хотя я знаю, что это абсолютно невозможно.*

Какие элементы представления (В) соответствуют признаку, который мы обсудили в этом пункте? Мы схватываем его с помощью понятия готовности эпистемического субъекта сказать о *p*, что необходимым условием чьего-то (лишь) мыслимого, но все-таки не исключенного эпистемическим субъектом *a* знания, что *p*,

является чье-то (не обязательно присущее тому же лицу) знание, которое охватывает *p* (иначе говоря: следствием которого является *p*). Притом это знание охватывает всю совокупность знаний, которыми обладает *a* (ср. (*a*, *i*) в антецеденте части [1] в (В)). Важно и то, что фактическое наличие такого более широкого знания по крайней мере не исключается эпистемическим субъектом *a* (ср. [2] в (В)).

Итак, «обоснованность веры» опирается, с одной стороны, на допускаемый эпистемическим субъектом факт, что *p* коренится в (чем-то) знании, и, с другой стороны, на то, что такое соотношение представлено как реальное, на то, что субъект готов о нем всерьез *говорить* (не изображая его как всего лишь предмет своих шатких догадок). (В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что мы пользуемся употребленным в (В) словом *говорить/сказать* в его основном значении «ассерции», а не в значении простого произнесения или другого способа создания лишь внешней оболочки языкового произведения.)

3. Взаимоотношение ‘веры’ и ‘знания’

Семантически вера *a*, что *p*, и знание *a*, что *p*, не исключают друг друга и не имплицируют ни друг друга ни отрицания другого из них. Тем не менее со знанием согласуется вера, а не неверие. Это связано, в частности, с тем фактом, что необходимым условием словесного (вербализованного) знания является *отождествление* предметов речи в разных высказываниях. Такое отождествление осуществляется в общем случае и в конечном счете в порядке веры (понимаемой в соответствии с (В)). Дело в том, что строгое, а вместе с тем конечное доказательство тождества предмета речи невыполнимо.

Однако, утверждение о знании *a*, что *p*, в нормальных условиях элиминирует утверждение о вере *a*, что *p*. Это в свою очередь связано с тем фактом, что вера является понятием *производным* от *элементарного* понятия знания. Последнее логически сильнее по-

нятия веры; к тому же оно имеет прагматическое преимущество перед понятием веры. В результате оба они, наряду с другими эпистемическими выражениями, *конкурируют* друг с другом как орудия описания *a*.

Вместе взятые, эти положения означают, что локально говорящие *выбирают* либо глагол *знать*, что либо глагол *верить*, что. Но с другой стороны, в особых случаях допустим переход от утверждения о вере *a* к утверждению о знании *a* и даже в обратном направлении.

Повторим: знание, что *p*, не имплицитует *отсутствия* веры, что *p*. Автоматически можно лишь перейти от утверждения о чем-то знании, что *p*, к высказыванию *a* *ЗНАЕТ*, что *p*, *НЕ: ВЕРИТ*, что *p*, т. е. к высказыванию с *корректирующим* контрастом, подчеркивающим, что выбор выражения *знать* вполне сознателен. Но в то же время знание не имплицитует и самой положительной веры, что *p* (оно, как элементарное отношение, вообще имплицитует лишь само себя). Отсутствие такой импликации отражается в подробностях представления (В), среди которых самую существенную роль играет стержневое *нефактивное* выражение *готов сказать* и идея лишь предположительного, данного всего лишь в аподозисе *условного* суждения, более широкого знания, имеющего свойство имплицитовать *p*.

С этими импликационными лакунами связан один довольно своеобразный факт. В весьма специальных случаях заявление о знании (своем или чужом), что *p*, может сопровождаться *риторическим* заявлением об отсутствии веры, что *p*: *a* знает, что *p*, но поскольку *p* идет вразрез со всем остальным из того, в чем он отдает себе отчет, он «не может поверить, что *p*». Такое совмещение знания и отсутствия веры субъекта *a* (веры в смысле (В)) преподносится говорящим, безусловно, как парадокс, но оно в тесном смысле не противоречиво и следовательно не страдает элементарной аномалией.

На это обратил внимание Шмелев [Шмелев 1993: 164—169]. Заметим, однако, что предложенные им два объяснения риториче-

ских оборотов типа «хоть знаю, да не верю» несостоятельны. Во-первых, вопреки тому, что утверждается в статье Шмелева [там же: 168], состояние веры (что p) ничуть не является нормой в отличие от неверия, и уже поэтому отклонение от «стандартов» в случае определенных возможных предметов знания («странных» предметов знания) не может само по себе служить истинной причиной заявлений о том, что кто-то «не верит, хотя и знает». Во-вторых, вера ни в коем случае не результат «свободного выбора субъекта», как утверждает автор [там же 1993: 169]. Например, предложение:

- (24) *Мне по душе выбрать этот билет, с установкой на то, что он выигрышный, *стало быть, я верю, что он выигрышный.*

некорректно.

Как доказываются наши положения, относящиеся к узловому вопросу о соотношении веры и знания? Они подтверждаются наблюдениями, касающимися приемлемости/неприемлемости таких коллокаций, как те, которые иллюстрируются следующими примерами:

- (25) **Я верю, что, к счастью, Бог существует.*

Примечание. Выражение *к счастью*, как известно, фактивно: оно имплицитно подразумевает соответствующее знание говорящего и, в силу переходности 'знания', такое же знание вообще. Но именно это несовместимо с ассерцией веры.

- (26) **Я верю и знаю, что Бог существует.*

- (27) *Я верю, что Бог существует. В сущности, я это знаю.*

Что касается отражения доказываемого таким образом соотношения веры и знания, то оно достигается путем определенного истолкования того, что ее субъект *готов сказать* («установку» веры, так же как и многих других эпистемических состояний [но не знания], мы понимаем именно как «готовность сказать»). Это истолкование, воплощенное в (В), состоит в том, что предметом ве-